

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю49

Юнак, Виктор Васильевич.

Ю49   Последнее покушение на Сталина / Виктор Юнак. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 352 с. — (Войны разведок. Романы о спецслужбах).

ISBN 978-5-04-190745-7

Ночью 5 сентября 1944 г. с рижского аэродрома взлетел транспортный самолет «Арадо-232», специально сконструированный для транспортировки диверсантов и грузов за линию фронта. На борту два немецких агента с фальшивыми документами сотрудников СМЕРШ. Несмотря на обстрелы зенитной артиллерии, поврежденному немецкому самолету удается сесть в советском тылу, выгрузить мотоцикл и диверсантов, которые вооружены пистолетами с отравленными пулями и кумулятивным мини-гранатометом «Панцеркнаке». Это устройство легко помещалось в рукаве плаща или шинели и могло уничтожить бронированный автомобиль на расстоянии до 300 м.

Диверсантам был отдан приказ — добраться на мотоцикле до Москвы и организовать покушение на Сталина и убить генералиссимуса... Перед заброской их инструктировал сам Отто Скорцени.

На пути диверсантов встают сотрудники Главного управления контрразведки СМЕРШ. Смогут ли они предотвратить покушение и спасти Сталина?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190745-7

© Юнак В.В., 2023
© ООО «Издательство «Яуза», 2023
© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

1

В ночь с 4 на 5 сентября 1944 года с рижского аэродрома в сторону Смоленска под покровом густой тайны, сдобренной мрачной темнотой беззвездной ночи, вылетел самолет с секретной миссией. Сначала в самолет загрузили вещи и мотоцикл с коляской.

Вокруг самолета суетились солдаты. По металлическому настилу они вкатили в салон мотоцикл с коляской, забитой чемоданами, грузили тюки и коробки. Затем в сопровождении начальника особой разведывательно-диверсионной команды «Цеппелин» майора Отто Крауса, начальника 6-го отдела северной команды «Цеппелина» капитана СД Палбицина, в прошлом матерого уголовника, который занимался экипировкой диверсанта, обучал его стрельбе, готовил фальшивые документы, и оберштурмфюрера Пауля Делли, он же Ланге, руководителя гатчинской группы безопасности СД, прибыли в советской военной форме мужчина и женщина. Экипаж самолета состоял из шести человек: командира Гельмута Эмиля Фируса, бортмеханика Вилли Брауна, штурмана, фельдфебеля авиации Герхарда Тидта, радиста Герхарда Хоберехта и двух стрелков — Эугена Хеттериха и Герхарда Шнайдера.

Спустя час полета небо покрылось плотным слоем тяжелых, мрачных облаков.

Удерживая курс строго на восток, летел тяжелый десантный четырехмоторный самолет «Арадо-332», обладающий высокой скоростью и большим потолком полета — новейшая модель германского самолетостроения, созданная по специальному заказу Главного управления имперской безопасности (РСХА). Вместо обычного шасси самолет был оборудован особыми каучуковыми гусеницами с двадцатью колесами неубирающегося подфюзеляжного шасси, позволявшими приземляться на непригодных площадках, даже на пахотном поле. Кроме того, на самолете установили новейшее навигационное оборудование, благодаря которому он стал всепогодным, мог летать как днем, так и ночью. Самолет обладал способностью покрывать значительные расстояния, имел весьма малую посадочную скорость. Глушители на моторах, деревянные лопасти винтов, пламегасители, матово-черная защитная окраска всех нижних и боковых поверхностей делали самолет малозаметным во время ночных полетов. Специальный трап, а также лебедки, передвигавшиеся по потолку кабины, обеспечивали быструю погрузку и разгрузку судна. К этому следует добавить, что самолет имел хорошее вооружение и запас кислорода для высотных полетов. Словом, настоящая гордость люфтваффе. Хвост самолета украшен нацистской символикой. За штурвалом один из самых опытных германских летчиков-«ночников» в чине подполковника люфтваффе Гельмут Эмиль Фирус, еще в 1941 году удостоенный Рыцарского креста с дубовыми листьями из рук самого рейхсмаршала Германа Геринга. Под стать командиру и бортмеханик Вилли

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

Браун. Немудрено — задание государственной важности и крайне рискованное: сесть в глубоком советском тылу, под самой Москвой (в районе Ржева), оставить «груз» и до рассвета вернуться на свою базу.

В салоне, напоминавшем своими размерами железнодорожный товарный вагон, всего два человека, закрепленный расчалками мотоцикл с коляской «М-72» советского производства, окрашенный в защитные цвета, и несколько длинных металлических опломбированных ящичков с надписью: «Вскрыть после приземления». Один из пассажиров — мужчина лет тридцати пяти, сухощавый, круглолицый, роста выше среднего, одетый в общевойсковую форму майора Красной Армии. На груди его блестят знаки высших боевых отличий — орден Ленина, два — Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, а над ними на красной муаровой ленте сияет Звезда Героя Советского Союза. Согласно документам, он — Таврин Петр Иванович, заместитель начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Рядом с ним — его сослуживица, младший лейтенант административной службы, секретарь отдела СМЕРШ 2-й мотострелковой дивизии той же армии Лидия Яковлевна Шилова, среднего роста пухленькая, коротко постриженная блондинка.

Таврин глянул на часы и поправил шлем на голове.

— Сколько мы уже летим? — Чувствовалось, что Шилова явно нервничает.

— Третий час, — спокойно ответил Таврин.

— И сколько еще лететь?

— Не знаю. Должно быть, уже скоро. Командир обещал за двадцать минут до посадки предупредить

нас. Да не волнуйся ты, Лида, — Таврин обнял женщину за плечи и слегка потормошил ее. — Все будет хорошо.

В это время в салон вышел командир экипажа.

— Приготовьтесь, майор, — обратился он к Таврину. — Через пять минут машина пойдет на снижение. Проверьте свое снаряжение.

— На какой высоте мы летим? — полубоопытствовала Шилова.

— Две тысячи пятьсот метров, фрау, — улыбнулся, глянув на Шилову, летчик.

Он подошел к мотоциклу, убедился в надежности его закрепления, козырнул пассажирам и направился в кабину. Таврин и Шилова стали проверять свою амуницию и парашюты.

— Все нормально, Лида?

— Да.

Моторы заработали на самых малых оборотах. Машина медленно, но уверенно пошла на снижение.

Неожиданно с земли дружно ударили крупнокалиберные зенитки с какого-то хорошо замаскированного объекта. Пули, словно горох о стену, забарабанили по корпусу самолета. Задымился один из моторов. Командир экипажа делал все, чтобы удержать машину в равновесии, но высоту она все-таки стала терять слишком быстро.

— Нужно садиться, командир! Обшивка пробита, — занервничал бортмеханик.

— Да, придется, — кивнул головой подполковник. — И чем скорее, тем лучше. Но, черт побери, откуда здесь русские зенитки? Где мы летим?

— Над станцией Кубинка, командир, — вода рукой по карте, ответил штурман.

— Понятно! Разворачиваюсь в сторону Смоленска.

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

Однако лететь им оставалось считанные минуты. Затем раздался скрежет металла, звон стекла, треск ломающихся деревьев и — тишина. Пилоты оцепенели — не взорвались бы топливные баки. Мгновения казались часами. Первым пришел в себя командир экипажа:

— Скорее выбирайтесь из машины!

Страх подгонял. Все восьмеро мигом выбрались наружу, отбежали метров на двадцать и плюхнулись в какую-то яму с никогда не замерзающей болотной жижей. Лежат, ждуг взрыва. Но взрыва нет. Возможно, свою роль сыграл пошедший дождь.

Летчики недоуменно переглядывались друг с другом, затем устремляли взгляд на самолет. Все было тихо. Настолько тихо, что даже слышен противный стук дятла по стволу дерева. А где-то вдалеке кукушка отсчитывала то ли годы, то ли дни, а то ли часы...

— Вилли, проверь! — наконец скомандовал подполковник.

— Да, командир.

Браун короткими перебежками приблизился к самолету. Выждал еще несколько секунд, поднялся и подошел поближе. Внимательно осмотрел машину, кивнул головой и повернулся к лежавшим на земле офицерам.

— Все в порядке, господа! — закричал он и замал руками. — Мы вне опасности. Машина серьезно повреждена, но пожара нет, баки нетронуты.

Все встали, начали отряхиваться. В этот момент где-то вдалеке раздалась автоматная очередь. Все снова присели.

— Русские! — после небольшой паузы произнес подполковник. — Срочно уносим отсюда ноги!

— Э нет, господин воздушный ас! — Таврин в последний момент успевает схватить летчика за рукав. — Сначала ты мне поможешь вытащить мотоцикл.

Летчики в некотором замешательстве несколько мгновений решают, как им быть. Затем командир кивает и бежит к самолету, бросая на ходу:

— Вперед! За мной!

Оба стрелка с бортмехаником и сам Таврин быстро выкатили из салона по специальному трапу мотоцикл и сбросили на землю металлические ящики. Затем Таврин подтолкнул к мотоциклу Шилову, при этом они понимающе переглянулись, в коляску летчики быстро загрузили ящики, и через пару минут Таврин на полной скорости, не разбирая дороги, умчался прочь. Летчики тут же помчались в противоположном направлении.

Они успели вовремя — спустя несколько минут на поляне появились красноармейцы. Впрочем, пешим летчикам повезло меньше, нежели беглецам на мотоцикле — русские вскоре их настигли и окружили.

2

Май 1942 года. Под Харьковом идет жестокий бой. Без умолку ухают пушки, слышны пулеметные и автоматные очереди, ружейные выстрелы, крики людей. В небе носятся самолеты. 14-я гвардейская стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Михайловича Шепетова ведет бой с перешедшими в наступление немецкими частями. Звание Героя Шепетову присвоили 9 ноября 1941 года за организацию прорыва из окружения.

В штабном блиндаже собралось все руководство дивизии. Начальник штаба, небольшого роста, сухопарый полковник, докладывает, стоя у карты, разложенной на столе.

— По последним данным разведки, противник стремительной контратакой силами Шестой армии прорвал оборону наших соседей из Южного фронта севернее и южнее Харькова на Барвенковском выступе. Мы оказались в окружении и отрезаны от основных сил.

— Когда получены данные? — внимательно разглядывая карту, спросил Шепетов.

— Разведчики вернулись утром, после этого удалось еще до двенадцати ноль-ноль связаться со штабом армии, — ответил начштаба.

— До двенадцати!.. — хмыкнул Шепетов, глядя на часы. — А сейчас уже почти шестнадцать. События развиваются стремительней, чем мы имеем возможность за ними следить.

В этот момент над самым блиндажом раздался взрыв оружейного снаряда. На карту, с нанесенными на ней синими и красными стрелками, посыпалась земля. Страхнув ее одним движением руки, Шепетов подошел к двери, открыл ее и посмотрел на сидевшего за столом сержанта-телефониста, постоянно что-то кричавшего в трубку и крутившего ручку коммутатора.

— Что у нас со связью, сержант?

— Пытаемся наладить, товарищ генерал. Двое связистов проверяют линию.

— Как только появится связь, тут же ко мне.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Шепетов вернулся в штабную комнату. Ему сейчас было нелегко. Ситуация — хуже не придумаешь. Еще два дня назад Красная Армия наступала силами Юго-

Западного и Южного фронтов под командованием соответственно генералов Костенко и Малиновского, и стокилометровый Барвенковский выступ был ее преимуществом. Но немцам удалось переформировать войска группы армий «Юг», подвезти резервы и окружить советские войска. А это означало погибель. В принципе погибель прогнозируемую. Сталина предупреждали, что не время еще начинать наступательные операции против немцев. Слишком не равны пока были силы. Но Верховный главнокомандующий настоял на своем. А расплачивался за все русский солдат.

— Как же быстро все перевернулось с ног на голову. — Шепетов потер указательными пальцами обеих рук виски.

Он не спал несколько суток, и от этого у него ужасно болела голова.

— Еще не все потеряно, Иван Михайлович, — подбодрил комдива начштаба. — Все зависит от положения наших соседей.

— Вот в том-то и дело, Иван Семенович, что от нас с вами уже ничего не зависит, — махнул рукой Шепетов.

В этот момент в блиндаж вбежал ординарец Шепетова.

— Товарищ генерал, связной из штаба армии.

— Давай его сюда немедленно!

Ординарец повернулся в другую сторону и кому-то махнул рукой. Вскоре появился обросший двухдневной щетиной в оборванном в нескольких местах мундире капитан.

— Товарищ генерал, из штаба армии передают... — приложив руку к пилотке, начал было капитан, но генерал прервал его.

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

— Не тяни, капитан, не тяни! Какова обстановка?

— Мы полностью отрезаны от своих. Наша, а также 57-я, 9-я армии и оперативная группа генерала Бобкина окружены южнее Балаклеи. Сам Бобкин, а также генералы Подлас и Городнянский погибли...

В дверях появился сержант-телефонист с радостной улыбкой.

— Товарищ генерал! Есть связь со штабом фронта. На проводе маршал Тимошенко.

Шепетов схватил трубку.

— Товарищ маршал! Семен Константинович! Что нам делать? Какие будут указания?

— Какие могут быть указания, дорогой мой Иван Михайлович! Вляпались мы с тобой по самые яйца! Не зря Жуков отговаривал Верховного от этой харьковской затеи... Ну, ладно! Связь ненадежна, поэтому буду краток...

Неожиданно связь снова прервалась, но Шепетов не сразу заметил это и продолжал кричать в трубку, перекрикивая взрывы и пулеметно-автоматный треск.

— Алло! Алло! Семен Константинович! Я вас не слышу! Алло!.. Сержант!

— Сейчас, товарищ генерал!

Связист схватил телефонный аппарат и выбежал из блиндажа, но через мгновение вернулся.

— Есть связь, товарищ генерал!

— Алло! Семен Константинович! Вы меня слышите?

Сквозь помехи и шумы на другом конце провода снова раздался растерянный голос Тимошенко.

— Погиб Костенко, Ваня.

— Федор Яковлевич?

— Он самый... Ну вот что, Ваня, мой приказ таков: разбить дивизию на небольшие группки и порознь прорываться на восток, к своим. У тебя уже есть такой опыт. Может, кто-то и выживет. Прощай, мой дорогой.

Раздался еще один сильный взрыв. Связь прервалась окончательно. Шепетов все еще держал в руках телефонную трубку.

— Алло, алло! Товарищ маршал! Это приказ?

Шепетов бросил трубку на аппарат. Несколько раз прошелся взад-вперед, растерянно покачивая головой. Остановился, скрестив руки на груди, и посмотрел на сослуживцев. А те все это время напряженно следили за каждым движением своего командира.

— Вот что, товарищи! — отстраненно, глядя куда-то в сторону, заговорил Шепетов. — Мною только что получен приказ командующего фронтом маршала Советского Союза Тимошенко: разбить дивизию на мелкие группы и каждой поодиночке пытаться пробиться на восток, к своим. Армия полностью окружена и отрезана от всех соседей. Другого выхода у нас нет. Но главная наша задача — сохранить дивизию и воссоединиться за линией фронта. Одну группу возглавлю я, другие — полковники Немцов, Разумихин, Габриэлян. Торопитесь, товарищи, времени у нас в обрез. Действуйте.

Все поднялись, козырнули и вышли из штабного блиндажа. В данной ситуации действительно другого выхода спасти хоть часть людей не было. Правда, в тот момент никто не подумал, что выход из окружения далеко не всегда оканчивался счастливо — многие окруженцы попадали в фильтрационные лагеря, где орудовали особисты.

Генерал Шепетов пристегнул к кителю все свои боевые награды, включая и Звезду Героя, и вышел наружу. Посмотрел в бинокль, оценил ситуацию. Взял у ординарца автомат ППШ.

— Товарищи бойцы! На фронте сложилась серьезная ситуация. Нам необходимо сохранить дивизию в целостности и сохранности. А посему следует отступить для того, чтобы перегруппироваться и начать новое наступление. Необходимо пробиться к своим. За мной, в атаку! За родину!

Под крики «ура!» солдаты и офицеры покинули окопы и пошли в атаку. Генерал Шепетов был с ними. Вот уже смешались советские и немецкие части, пошла рукопашная. Немцы, видя перед собой русского генерала, целились в него. Один раз ординарец прикрыл Шепетова собой, затем сам генерал застрелил стрелявших в него фашистов. Но вот и он упал, сраженный вражеской пулей.

— Господин капитан! Здесь русский генерал, — радостно закричал попавший в Шепетова немецкий унтер-офицер.

— Живой? — поинтересовался капитан.

Унтер-офицер приложил ухо к груди Шепетова.

— Кажется, еще дышит.

— Немедленно отправьте его в санчасть и доложите в штаб полка.

— Слушаюсь, господин капитан.

3

Апрель 1943 года. Москва, Кремль.

Совещание руководителей советских разведслужб. Совещание проводит лично Сталин. Кроме главных разведчиков и контрразведчиков на совещании при-

сутствуют заместитель Верховного главнокомандующего Жуков, нарком внутренних дел Берия, нарком госбезопасности Меркулов, начальник генерального штаба Василевский.

Предварительно Меркулов получил задание подготовить проект наркомата госбезопасности с детальной разработкой схемы структуры ведомства по борьбе со шпионами и диверсантами. 2 апреля проект за подписью Берии уходит к Сталину. По замыслу Лаврентия Павловича, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из ведения НКВД, на их базе образовывался самостоятельный наркомат госбезопасности. Управление же особых отделов должно было войти в состав нового ведомства как одно из управлений контрразведки НКГБ — СМЕРИНШ (смерть иностранным шпионам). Но Сталину этот проект не понравился. Как и следующий, подготовленный тем же Меркуловым, предложившим в Управлении СМЕРИНШ усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу.

Поняв, что коллективный ум все же лучше, Сталин назначил на 15 апреля совещание, на которое, собственно, и были приглашены вышеперечисленные лица. Совещание проходило, как и обычно, в кремлевском кабинете вождя. Это была большая комната со сводчатым потолком, выходившая тремя окнами на кремлевский двор. Белые, гладкие стены снизу, в рост человека, были облицованы светлой дубовой панелью.

Генералы сидели с двух сторон за длинным столом. Сталин ходил вокруг стола, держа в полусогнутой руке уже потухшую трубку.

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

Докладывал начальник Главного разведывательного управления генерал-лейтенант Ильичев.

— Органы военной контрразведки с самого начала войны активно боролись со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами в войсках и прифронтовой полосе, вели разыскную работу на пересыльных пунктах и зафронтовую деятельность. Только с 1 июля по декабрь 1941 года включительно нами было разоблачено около семи тысяч шпионов и более 450 диверсантов спецслужб нацистской Германии. В битве под Москвой было обезврежено более двухсот агентов абвера и около пятидесяти диверсионно-разведывательных групп.

Всего на Западном фронте в 1941 году армейские чекисты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше тысячи фашистских агентов, на Ленинградском и Южном фронтах — около 650, на Северо-Западном — свыше трехсот. В боях за Сталинград в августе—сентябре 1942 года военные контрразведчики разоблачили более ста фашистских агентов.

В ходе зафронтовой деятельности, которая была развернута в тылу фашистских войск согласно директиве 3-го управления Народного комиссариата обороны от 27 июня 1941 года, органам военной контрразведки удалось внедриться в аппарат некоторых подразделений абвера и его разведшколы, регулярно сообщать сведения об их личном составе и агентуре, о сроках и местах выброски фашистских шпионов и диверсантов в тыл фронтов и страны...

— Товарищ Ильичев обрисовал нам идиллическую картину, — Жуков первым решился высказать свое мнение. — Но все же один важный мазок не был сделан.

Жуков посмотрел на Сталина. Тот одобрительно кивнул головой.

— Продолжайтэ, товарищ Жуков.

— Как органы военной контрразведки ведут работу с попавшими в плен солдатами и офицерами Красной Армии? — Жуков своим тяжелым взглядом посмотрел в упор на Ильичева.

— Мы еще летом 1942 года организовали первые проверочно-фильтрационные лагеря, куда особые отделы НКО направляли всех без исключения военнослужащих, либо бежавших из плена, либо освобожденных Красной Армией из фашистских застенков, — голос начальника ГРУ был уверенным, но все же он то и дело бросал робкие взгляды исподлобья на Сталина. — Наши особисты месяцами проверяют каждого и, по мере их виновности, либо освобождают, либо судят за измену Родине.

— Вот здесь ви, товарищ Ильичев, глубоко заблуждаетесь! — Сталин был явно недоволен последними словами.

Повисла мертвая тишина. Иван Иванович Ильичев вобрал голову в плечи, на его висках выступили капельки пота.

— Ви разве нэ знаете, что русских в плену нэт?

Сталин сделал паузу, последний раз прошелся по кабинету и сел на свое место во главе стола.

— Русских в плену нэт, — повторил Верховный главнокомандующий. — Русский солдат сражается до конца. Если он вибирает плен, он автоматически перестает быть русским. Добровольная сдача в плен должна караться смертной казнью. Ви, товарищ Голиков, наверное, забыли, что 16 августа 1941 года товарищ Сталин подписал приказ №270, объявлявший пленных дезертирами и предателями. И вам надо нэ

только расстреливать и ссылать на каторгу бивших военнопленных, но и наказывать их семьи.

— Товарищ Сталин, — голос Ильичева задрожал, — ни я, ни мои подчиненные, конечно же, не забыли сути приказа-270. Из десятков тысяч прошедших через наши спецлагеря освобождены единицы, и то только потому, что они смогли доказать, что и в плену действовали так, как их учила родная наша партия, возглавляемая вами, Иосиф Виссарионович. Либо же освобождались и направлялись в штрафные батальоны те, кто приносил с собой ценнейшие сведения о противнике. Именно так я и хотел ответить Георгию Константиновичу.

— Это совсем другое дело. — Сталин удовлетворенно начал набивать свою трубку очередной порцией табака «Герцеговина-Флор». Все это время остальные молча сидели и ждали. — Я бы хотел послушать мнения товарищей.

— Как видно, враг нэ дрэмлет, — слово взял Берия, поправив перед тем очки на переносице. — Мы должны еще больше завинтить гайки. Никакой жалости к изменникам родины и их приспешникам.

— Ваши предложения, товарищ Берия?

— Дать еще больше власти Управлению особых отделов НКВД.

Жуков вспыхнул. Он вспомнил, как в конце тридцатых Берия едва не отправил его самого в колымские дебри.

— Товарищ Берия, вероятно, добивается поста заместителя Верховного главнокомандующего. Но в таком случае Лаврентию Павловичу придется выезжать на фронт и находиться под обстрелом. А я не уверен, товарищ Сталин, что товарищ Берия в такой обстановке сможет действовать адекватно.

Берия спокойно (он знал себе цену) снял очки и стал протирать их платочком.

— Ирония товарища Жукова здесь нэ уместна. Речь идет о серьезных вещах.

— А я речь и веду именно о серьезных вещах, — сказал, как отрубил, Георгий Константинович.

Присутствующие стали негромко высказывать свое отношение к перепалке.

— Я считаю, что если мы пойдём на поводу у товарища Берия, армия снова станет плохо управляемой, как это уже было до тех пор, пока не ввели в войсках единоначалие, — поддержал Жукова в то время начальник Генерального штаба, генерал Василевский.

— Вы, товарищ Василевский, против особых отделов? — любопытствовал нарком госбезопасности Меркулов.

— Я против их всевластия на фронте. Работайте в тылу или в зафронтовых частях. С другой стороны, мы с большой пользой для фронта используем созданные контрразведкой возможности для дезинформации противника.

— А я бы вообще вывел особистов из подчинения НКВД и передал в наркомат обороны, — предложил Ильичев, уже пришедший в себя после вспышки гнева Сталина.

— И чего вы этим добьетесь? — любопытствовал Берия.

— Мнэ кажется, что и товарищ Берия, и товарищ Жуков по-своему правы, — Сталин слегка прихлопнул ладонью по крышке стола.

Сталин начал раскуривать трубку, дожидаясь полной тишины и исподлобья наблюдая за происходящим. Затем поднялся и стал прохаживаться взад-вперед по кабинету. Он любил это делать, когда все

остальные сидели. Человек маленького роста, он таким образом позволял себе быть выше всех, по крайней мере, на голову.

— В связи с изменившимся военно-политическим положением в нашей стране, — Сталин размахивал в такт словам рукой с трубкой, — и в связи с назревшей необходимостью я слышал мнения отдельных товарищей о необходимости реорганизации органов госбезопасности. И полностью поддерживаю это. Предлагаю на базе Управления особых отделов НКВД СССР создать военную контрразведку и передать ее в ведение наркомата обороны. Таким образом, контакт работников контрразведки с Генеральным штабом станет еще более тесным. Не так ли, товарищ Василевский?

— Я совершенно с вами согласен, товарищ Сталин.

— Нужно подумать, кто возглавит эту структуру.

Сталин глянул в сторону Меркулова. Тот поймал взгляд Верховного, порылся в своих бумагах. Мгновение подумал, переглянулся с Берией и поднял голову.

— Думаю, что лучшей кандидатуры для этой работы, чем нынешний начальник управления особых отделов НКВД товарищ Абакумов, нам не найти. Этот человек — на своем месте, — ответил Меркулов.

— Товарищ Берия, это, кажется, ваш выдвиженец?

— Мой, товарищ Сталин.

— Тогда охарактеризуйте нам его, пожалуйста, — Сталин остановился напротив Берии.

Берия открыл папку с личными делами своих сотрудников, которую он принес с собой на это совещание, нашел нужную бумагу и стал читать:

— Виктор Семенович Абакумов родился в Москве в 1908 году. Из семьи рабочих. Член ВКП(б) с 1930 года. Начал работать с двенадцати лет. В девятнадцать стал стрелком военизированной охраны. В органах НКВД — с 1932 года. Начинал уполномоченным, затем оперуполномоченным Комиссариата внутренних дел, потом стал оперуполномоченным ГУЛАГа. В 1937—1938 годах служил в Главном управлении госбезопасности НКВД. В 1939—1940 годах — начальник НКВД Ростовской области. Понравился он мне, когда работал в спецгруппе по реабилитации людей, арестованных при Ягоде и Ежове. После этого я пригласил его в центральный аппарат НКВД.

— Будут ли у кого другие предложения? — Пока Берия читал, Сталин вернулся на свое место во главе стола.

Других предложений, естественно, не последовало. Все поддержали кандидатуру Абакумова.

Сталин снял телефонную трубку и мягко приказал секретарю в приемной:

— Товарищ Поскрёбышев, срочно пригласите на совещание товарища Абакумова... — положил трубку. — А пока вернемся к структурным и функциональным обязанностям нового подразделения.

— Во-первых, предлагаю назвать это подразделение Главное управление контрразведки «СМЕРНЕСИ» наркомата обороны и военно-морского флота, от лозунга «Смерть немецким шпионам», — первым высказал свое предложение генерал Ильичев, в ведении которого, по его предположениям, и должно находиться вновь создаваемое подразделение.

— Поддерживаю! — согласно кивнул Меркулов.

— Во-вторых, — продолжал Ильичев, — в его составе должны быть два отдела и центральный аппа-

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

рат территориальных органов контрразведки. Во главе отделов должны остаться прежние начальники товарищи Барышников и Тимофеев. Считаю, что на отдел товарища Барышникова следует возложить задачу по организации розыска вражеской агентуры на территории Советского Союза и продолжение проведения радиоигр с использованием захваченных агентов-радиостов противника. А отдел товарища Тимофеева должен заниматься внедрением советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы Германии.

— Хорошо! — согласился Сталин. — Думаю, мы будем рекомендовать товарищу Абакумову принять эту структуру и заняться ее формированием. Но почему, собственно говоря, мы должны иметь в виду только немецких шпионов? Разве разведывательные службы других стран не действуют против нашей страны? Давайте назовем «Смерть шпионам»... или кратко — СМЕРШ. А деятельность СМЕРША, я думаю, должен взять под свой личный контроль председатель Государственного Комитета Оборона и Народного комиссариата обороны СССР товарищ Сталин. Есть у кого другое мнение?

Все одобрительно закивали головами и вслух согласились со Сталиным.

— Вот и отлично! Если НКВД — это обнаженный меч пролетариата, — Сталин слегка размахивал курительной трубкой, которую держал в левой руке. Он был явно доволен сегодняшним совещанием, — то СМЕРШ — это острие меча.

В этот момент дверь зала для совещаний открылась, и на пороге появился Абакумов, высокий, хорошо сложенный человек с зачесанными назад черными волосами.